

Если бы кто-нибудь через пять лет спросил Сюй Сяочжэня, что он почувствовал тогда, в тот момент, он бы без раздумий ответил: «Не знаю». И это была бы правда. Он действительно не знал. Его первая любовь, самый близкий человек, его друг — остался в восемнадцати навсегда. Всего за пару недель до новой жизни. Из-за него.

В ту секунду всё оборвалось. Мысли исчезли, внутри — пусто. Он почти физически чувствовал, как через эту пустоту проходит воздух. Настоящее, осознание, чувства — всё отключилось. Только потом, с годами, тот момент начал возвращаться. Порциями. Как кадры, всплывающие из тьмы. Каждый раз — одно и то же: холод, боль, пустота.

Он вспоминал фразу, которая раньше казалась ему натянутой и фальшивой: «Самое страшное — не боль, а её отсутствие». Раньше он считал это преувеличением. Но в ту ночь, когда умер Чжоу Янь, понял — точнее сказать невозможно.

Чжоу Янь упал прямо в грязь. Ночь, ливень, мокрая трава. Сюй Сяочжэнь выстрелил. Впервые. Убил. Человека, который ударил ножом Чжоу Яня. Тот расслабился, не ожидал — и получил пулю в голову.

Он упал рядом. Кровь стекала с обоих, смешивалась, уходила в землю.

Сюй Сяочжэнь продолжал нажимать на курок — снова и снова. Уже машинально. Патронов больше не было.

Он отбросил пистолет и медленно пошёл к Чжоу Яню.

Остальные... по какой-то причине не вмешались. Они только смотрели, как он падает, поднимается, снова падает. И никто не подошёл, чтобы добить его, так же, как они убили Чжоу Яня. Может быть, он и сам скоро умер бы. Настолько ослаб. И потому — не заслуживал усилий.

Сюй Сяочжэнь упал рядом с ним. Стоило протянуть руку — и он смог бы коснуться лица Чжоу Яня, стершегося в грязи и крови, мог бы хотя бы убрать дождь с его лба... Но сил больше не было.

Он только запечатлел в памяти его черты — строгие, глубокие, любимые. Перед глазами всё поплыло, переплелись свет и тьма — и потом наступило забвение.

...

“Красное с чёрным слились в одно, небо и земля потеряли границы, всё растеклось и размывалось, как в сне. С неба, казалось бы, шёл дождь, но ощущалось, будто это была кровь. Воздух был пропитан гнилой, тягучей сыростью и запахом железа.

Грудь была пробита насквозь, но боли я не чувствовал. Кто-то тронул моё тело, как будто переворачивал и шарил в нём, и от этого возникало странное ощущение, будто тебя разрывают изнутри, а в глаза тем временем капал дождь — крупный, тяжёлый, красный. Мир перед глазами стал ещё более мутным и вывернутым, как если бы привычный порядок в нём исчез.

Я слышал шаги. Мягкий хруст, будто кто-то осторожно ступал по мокрой траве. Потом — глухой удар. Он упал.

Кто-то пришёл.

Фигура была перекошенной, худой, но упрямо прямой. Бледная, почти прозрачная. Он походил на тополь, оставшийся стоять посреди безжизненной равнины — сломленный, но ещё не упавший. Он приближался, тяжело, будто шёл наперекор всему.

Кровь стекала по склону, трава казалась чужой. Я смотрел на него и чувствовал, что он пришёл ко мне, хотя и не мог разобрать его лицо. Внутри появилось странное чувство — будто я его знаю. Это было похоже на облегчение, но не до конца. Было немного радости, немного спокойного принятия и что-то ещё, что я не успел понять.

Я хотел его позвать, но не знал, как. Имени не помнил, даже не был уверен, кем он мне был. Но мысли во мне ещё были, значит, смерть ещё не наступила.

Он подошёл ближе, наклонился, поднял из травы пистолет. Я подумал, что он может выстрелить, добить меня, но почему-то знал, что не станет. И правда — он выстрелил, но в себя.

Раздался глухой хлопок. Он упал. Я знал, как умирают от выстрела в голову — обычно это месиво, крик, грязь. Но он ушёл тихо, будто просто выключился, почти спокойно.

Когда его лицо обернулось ко мне, оно стало узнаваемым. Это было лицо из прошлого.”

— Сюй Сяочжэнь!!! — Чжоу Янь вскрикнул и с рывком подскочил в постели.

Боль отёрнула его назад — рана распахнулась, и кровь тут же залила марлю на груди, но он этого даже не заметил. Только тяжело дышал, хватая воздух ртом, лицо покрыто холодным потом. В голове вспыхнули последние воспоминания: Сюй Сяочжэнь мёртв? Он увидел его тело... А потом тот застрелился?

Кровавое наваждение только рассеялось — и тут его щеку с силой ударила чья-то ладонь. Голова дёрнулась вбок, губа лопнула, во рту — кровь.

Он остолбенел. Не сразу понял, что происходит.

Перед кроватью стоял мужчина средних лет, поразительно похожий на него — почти как зеркало со следами времени. С проседью у висков, волосы зачесаны назад и зафиксированы муссом.

Черты лица резкие, пронизывающий, как у хищника, взгляд давил. Сильные руки с выпирающими венами — как каменные. Его суровое величие и опыт вызывали трепет, несравнимый с юношеским дерзким пафосом Чжоу Яня.

— Скотина! Кого ты там звал?! — Голос глухой, вибрации отдавались в ушах.

Чжоу Янь, а вернее — Гу Янь, наконец пришёл в себя. Молча, с упрямо вытянутой шеей, смотрел перед собой.

Гу Чуань — его отец — скользнул по нему холодным взглядом. В глазах — недовольство, раздражение. Видя, что сын не подчиняется, вскипел ещё сильнее:

— Пару месяцев побыл вне дома — и уже совсем сорвался с цепи? Очнулся и первым делом зовёшь какого-то ублюдка. Я даже не подозревал, что мой сын — такой сентиментальный идиот. Влюбился, значит? И в кого? В подонка с низким происхождением? Пока твоя мать обливается слезами, ты тут устраиваешь сцены. Ты вообще думал, что она чувствует?

Чжоу Янь усмехнулся, с откровенным презрением:

— Моя мать давно мертва. Ты уже забыл, как отправил её на смерть, выставив вперёд, как живой щит? Или ты и правда считаешь, что все вокруг такие же, как ты — бездушные, расчетливые, готовые продать любого ради выгоды?

Слуги, стоявшие у стены, не выдержали — выбежали из комнаты, по пути крича:

— Госпожа, госпожа, молодой господин проснулся!

Через мгновение в комнату вошла красивая женщина средних лет. Со слезами на глазах, но сдержанной походкой она подошла, аккуратно коснулась лица Чжоу Яня:

— Сяо Янь, ты так напугал маму... Как ты мог так сильно пострадать? Ты пролежал без сознания семь дней. Слава небесам, что очнулся. Как бы я объяснилась перед покойной сестрой, если бы с тобой что-то случилось?..

Гу Чуань всё ещё стоял, глядя на него с холодной яростью — казалось, в любую секунду снова ударит. Но госпожа Гу быстро встала между ними, стараясь погасить напряжение.

Только увидев её, Гу Янь немного смягчился. Тихо произнёс:

— Тётя...

Гу Чуань фыркнул, не скрывая презрения, и, откинув полы плаща, вышел из комнаты.

Гу Янь остался сидеть на постели, ошеломлённый. Всё вокруг — и знакомое, и чужое одновременно. Люстра — резная, изысканная. Просторная спальня, открытая терраса, за ней — бескрайнее озеро, отражающее горы.

Это была не тесная, душная железная будка с покосившейся лампочкой на потолке. Всё, что случилось за последние дни, теперь казалось странным, зыбким, как будто он побывал внутри чужого сна. Всё будто расплывалось — ощущения, события, даже эмоции. И после пробуждения оставалась лёгкая, тянущая тоска, которую невозможно было ни описать, ни стряхнуть.

Он прижал ладонь к раскрывшейся ране, закрыл глаза и снова откинулся на мягкую постель.

Госпожа Гу всё ещё сидела рядом, продолжая перебирать слова, расспрашивать, тревожно заглядывая в его лицо. Вслед за ней подошёл семейный врач. Он быстро осмотрел его, убедился, что жизни ничего не угрожает, и велел убрать все медицинские приборы, которыми была заставлена комната.

Люди сновали туда-сюда, вынося аппараты, шепча, переговариваясь. Их было много, и вся эта суеда давила, раздражала, как рой мух, навязчиво кружащих над мёртвой плотью.

Гу Янь чувствовал усталость, в голове всё гудело, мысли путались. Но на фоне раздражения вдруг появилось странное ощущение: словно после долгого дрейфа по чьей-то воле он наконец снова стоял на твёрдой земле. Всё вокруг — именно та жизнь, из которой он вышел и в которую теперь вернулся. Такая, какая у него была. Такая, какая у него, возможно, и должна быть.

Госпожа Гу нерешительно потянулась к его руке, но не решилась взять её и остановилась. Голос её был тихим, осторожным:

— Сяо Янь, пожалуйста, не злись на отца. Он всё это время очень переживал. Мы всё знаем, что с тобой происходило. Ты ещё молодой, тебе легко вскружить голову... Но ты должен понимать, с какими людьми ты связался. Эти низкорожденные, у них ни совести, ни чести...

Она не успела договорить. Гу Янь перебил:

— Он жив?

Женщина замолчала, на секунду растерялась, а потом поняла, о ком он спрашивает. Осторожно кивнула:

— Да. Он жив. Не волнуйся.

Гу Янь поднял одеяло, отвернулся к стене.

— Оставьте меня в покое.

В её глазах вспыхнула тревога. Она и правда боялась. Он был сыном её старшей сестры и Гу Чуаня. После смерти сестры семья заставила её выйти за Гу Чуаня — ради выгоды, положения, внешнего спокойствия. Всё это время она жила как водоросль, без корней и почвы, цепляясь за крошечные опоры. Если теперь и Гу Янь окончательно отдалится от отца, ей больше не на что будет надеяться.

— Только... пожалуйста, не злись на него... — повторила она, уже почти шёпотом. Но, испугавшись, что и эта фраза вызовет раздражение, замолчала. Осторожно встала, поправила одежду и бесшумно вышла, оставив ему тишину.

Гу Янь лежал, глядя в потолок.

Он много раз представлял себе, как расстанется с Сюй Сяочжэнем.

Самый реалистичный вариант выглядел так: его забирают домой, всё торжественно, с кортежем и охраной. А перед отъездом он суёт Сюй Сяочжэню конверт с деньгами и говорит: «Живи своей жизнью. Не цепляйся больше. Это — тебе, на прощание.»

Но он никогда не думал, что всё закончится вот так.

Восстановление у альфы шло быстро. Хотя рана была сквозной и едва не задела сердце, он просто лежал в постели, и спустя полмесяца уже мог вставать и понемногу ходить.

Пока он приходил в себя, постепенно начал узнавать, что происходило за те полгода, пока его не было. Оказалось, его местоположение всё это время удавалось скрывать. Но в тот момент, когда Сохай отправился в Тринадцатый сектор на операцию против семьи Чэнь, и произошла утечка — тогда всё и всплыло.

Между тем, многое изменилось. Первый сектор полностью перешёл под контроль Гу Чуаня — его биологического отца. Он окончательно стал военной верхушкой Империи.

Кроме того, ради спокойствия — а может, чтобы избежать шантажа и попыток «приклеиться» к их семье после возвращения — было решено оставить всё как есть. И теперь Сюй Сяочжэнь действительно считал, что Гу Янь мёртв.

Новость о том, что он выжил и вернулся, разошлась по высшим кругам молниеносно. В том

числе — история о том, как он убил сына семьи Ли. Это стало темой для кулуарных разговоров, в которых смаковали подробности.

Когда-то семья Ли стояла в центре всего высшего слоя Империи, контролируя почти всю военную систему. Теперь же всё перевернулось: Гу Чуань стал маршалом, центр сместился к дому Гу, и статус Гу Яня, как единственного наследника, резко вырос. Приглашения сыпались одно за другим — вечера, приёмы, закрытые сборы, каждая семья стремилась установить контакт.

Гу Янь, как всегда, не стал церемониться. Он даже не утруждал себя придумывать отговорки — просто отказывал.

Но от одного человека он не смог отбиться — от Чжоу Цзиншуо, своего двоюродного брата.

Цзиншуо был сыном младшего брата его матери. После того, как тот погиб на фронте в одном из первых этапов войны, род Чжоу начал угасать, и мальчика забрали в дом Гу. Большую часть времени он жил в закрытой школе, домой приезжал только на каникулы. Несколько лет назад он тоже прошёл дифференциацию — стал альфой.

По сути, они выросли как родные братья. Вместе, с самого детства.

— Сюрприз! — Чжоу Цзиншуо влетел в комнату с огромным букетом и сияющей улыбкой.

— Ты что тут делаешь?

Он скинул тёмные очки на стол, наклонился ближе:

— Слышал, что случилось. Конечно, я вернулся! Я даже не знал, что ты полгода прятался в Восемнадцатом секторе! Узнал бы раньше — сбежал бы к тебе. Маленькая тётя говорила, что дядя совсем взбесился, когда ты в бреду звал чьё-то имя?

— На! Цветы! Поправляйся! — Он всегда был ярким и шумным. И букет выбрал соответствующий — пышный, огненно-красный, почти кричащий.

Гу Янь уставился на этот взрыв алого — и почувствовал, как в голове начинает пульсировать. Взрывом схватил букет и швырнул на пол:

— Забери этот уродливый мусор и вали! Ты же знаешь, я ненавижу красные цветы!

Цзиншуо почесал затылок. Он давно привык к вспышкам брата. С раннего детства знал, насколько у того тяжёлый характер — говорили, это из-за слишком высокого А-уровня.

У альфа показатель А определяет их силу, ранг, значимость. Чем выше А — тем мощнее альфа. Но в этом была и обратная сторона. Слишком высокий А-уровень почти всегда означал нестабильность, вспыльчивость, резкие перепады настроения. Это делало человека опасным — и для окружающих, и для самого себя.

Но ведь они росли вместе с самого детства. Цзиншуо отлично знал Гу Яня — и точно помнил, что тот никогда не ненавидел красные цветы. С чего бы вдруг?

— Ладно-ладно, — примирительно заговорил он, пытаясь утихомирить вспышку этого «принца». — Не нравятся — завтра куплю белые. Устроит?

— Выброси! Прямо сейчас! Я сказал, ВЫБРОСИ!

Цзиншуо поднял руки, будто сдаваясь, подошёл к террасе и с демонстративной серьёзностью швырнул букет вниз:

— Вот. Так нормально?

Гу Янь наконец начал понемногу успокаиваться.

Цзиншуо тяжело выдохнул и снова подошёл ближе:

— Слушай, брат... ты там, в Восемнадцатом секторе, что-то серьёзное пережил? — Он понизил голос, бросил взгляд на дверь и прошептал conspiratorially: — Говорят, ты влюбился. И не просто в кого попало — в какого-то низкосортного бета... нет, подожди. В омегу. Причём тоже из низших.

Гу Янь перевёл на него тяжёлый взгляд.

Цзиншуо тут же втянул шею:

— Ну ты не злись, ладно? Просто... слухи. Всё же уже знают. В день, когда ты очнулся, в комнате были слуги, и все слышали, как ты звал его по имени. Как-то там... Сюй что-то. Сюй Сяочжэнь, кажется. Потом, говорят, ты из-за него с дядей сцепился. Он кто вообще? Как выглядит? Симпатичный? Наверное, симпатичный, раз ты в таком состоянии...

В его тоне уже послышалась не только живость, но и некоторая жалость:

— Я, если честно, всегда думал, что ты с твоим уровнем и твоим характером — ну это же очевидно, что в будущем у тебя будет пара из топовых омег. Красивая, умная, высокого ранга. А тут... Восемнадцатый сектор. Там же почти все — низкорожденные бета. Даже если кто-то случайно прошёл дифференциацию — в альфу или омегу — у них уровень будет самый низкий.

С такими не создают династий. У вас не будет потомства с сильной генетикой. Ты ведь...

Он говорил мягко, почти по-доброму. Но в глазах у него стояли слишком разные эмоции. Явное разочарование, сомнение, сочувствие, желание понять, может — переубедить. Он смотрел так, будто пытался вернуть кого-то «на путь», отговорить от ошибки, убедить одуматься.

Если ты, Гу Янь, действительно влюбился в низшего омегу, значит, ты сам спрыгнул с пьедестала. Больше не наследник дома Гу, не сын маршала, не самый молодой генерал в истории Империи. Всё, что было твоей гордостью, исчезнет. И как бы силен ты ни был, как бы высок ни был твой А-уровень, в глазах остальных ты станешь просто человеком, который связал себя с омегой низшего класса. И об этом будут говорить — с усмешками, с насмешками, в полголоса и в открытую. Ты станешь тем, над кем смеются.

Гу Янь всегда понимал: стоит только связаться с низшими — неважно, полюбить, жениться или даже просто выказать сочувствие — и ты больше не принадлежишь элите. Чтобы остаться в кругу «верхних», нужно презирать «нижних». Быть с ними заодно — значит предать класс.

Поэтому он так презирал Сюй Сяочжэня. Отталкивал его. Старался забыть. Даже думал, что, может, если тот где-нибудь случайно погибнет, в какой-нибудь уличной разборке — никто уже никогда не узнает, что между ними было нечто такое, что стыдно вспоминать.

А может, если Сюй Сяочжэнь вдруг прорвётся в Центральный или даже в Верхний сектор, тогда, может быть, в какой-то подходящий момент Гу Янь великодушно кивнёт ему, признает знакомство, скажет перед другими: «Да, мы были знакомы... когда-то.»

Но сейчас... сейчас взгляд Чжоу Цзиншуо был слишком прямой. Слишком обнажённый. Как будто Гу Янь стоял перед ним голым.

Стыд, раздражение и уязвлённая гордость вспыхнули внутри, и он резко посмотрел на него:

— Что, даже "игрушек" теперь надо согласовывать?

Цзиншуо замер.

Но эта фраза уже сломала хрупкую границу. Как будто распахнули ящик Пандоры — и из него вырвалось всё, что нельзя было произносить вслух.

Гу Янь выдохнул — и с ним будто ушло напряжение. Он откинулся на спинку кровати, расслабился, уголки губ чуть приподнялись, во взгляде мелькнула усмешка:

— Ты ведь не подумал всерьёз, что я мог влюбиться в низшего? Цзиншуо, ты становишься смешным. Ты даже не представляешь, какой он... свежий. Это просто было любопытно.

Цзиншуо засмеялся — звонко, искренне, по-мальчишески. Этот смех мгновенно наполнил комнату, разрядив всё напряжение. Он игриво стукнул Гу Яня кулаком в плечо:

— Ну вот! Я уж испугался, думал, с тобой что-то не так. Давай, как поправишься — вытащу тебя в город. Все тебя ждут. Ну, точнее — мечтают подлизаться.

Он подмигнул:

— Ты ведь уже взрослый, дядя не сможет тебя контролировать так жёстко. А за пределами дома сейчас столько интересного...

Гу Янь улыбнулся и лёгким движением кулака ответил на его жест.

В комнату вошёл слуга, закатил тележку с завтраком и аккуратно разложил всё на столике рядом с кроватью. Блюда выглядели идеально. Всё подавалось по высшему разряду — изысканные продукты, лучшие приборы, шефы, которым в Империи не было равных. Ближе всего к нему стояла миска простой рисовой каши — без добавок, как и положено в его состоянии.

Он взял ложку, попробовал — и тут же нахмурился. Вроде всё идеально, по стандартам — но вкус был пустой. Механический.

Хуже, чем то, что Сюй Сяочжэнь на скорую руку варил в старом железном котелке.

Сюй как-то засолил маленькую баночку огурцов — остро, кисло, с ноткой свежести. Не с первого раза, экспериментировал, подбирал пропорции — чтобы было именно так, как Гу Янь любит.

Гу Янь мысленно списал это всё на «новизну». В доме Гу подобной «вредной» еды ему бы не предложили.

Он уставился в кашу. Белёсая масса отражала его лицо. Он снова попробовал — и тут же бросил ложку в миску. Откинулся на подушки.

— Горячо. Не буду.

Слуга нерешительно произнёс:

— Может, подождём, пока остынет?

Гу Янь стиснул язык к нёбу, сдерживая раздражение:

— Не хочу. Унеси.

Слуга не посмел ослушаться и пошёл за разрешением к госпоже Гу. Вернулся быстро, собрал посуду с предельной осторожностью:

— Госпожа сказала: если молодой господин не хочет — значит, не хочет.

И в этот момент Гу Янь сорвался. Его глаза налились кровью. Он с яростью опрокинул столик — дорожный фарфор разлетелся в клочья, еда брызнула во все стороны.

Слуга испуганно упал на колени, а Чжоу Цзиншуо резко отскочил от кровати.

Гу Янь стиснул челюсть. Вчера было то же самое. Он сказал — не будет есть. Слуга ушёл к «матери». Еду унесли.

Он сдёрнул залитое кашей одеяло с ног и бросил его на пол:

— Если я сказал, что не ем — это значит, что мне теперь никто даже ложку не предложит, да!? Серьёзно!?

С момента последнего приёма пищи прошло уже двенадцать часов.

Когда он жаловался на горячее — Сюй остужал кашу.

Когда говорил — не хочу есть — Сюй бегал за ним с чашкой, уговаривал, бормотал, что нельзя не есть, желудок сидит.

А сейчас? Сказал не буду — и всё? И никто больше не спросит?!

Чжоу Цзиншуо сидел как на иголках — даже дышать боялся. То еду подай — не ест. Сказали не давать — сходит с ума. Что, чёрт возьми, с ним?

Он снова задумался: что же такое произошло с его кузеном в Восемнадцатом секторе? Казалось бы, суровые условия должны были смягчить избалованного наследника. Но нет — тот вернулся ещё более бешеным. Будто с цепи сорвался.

<http://bllate.org/book/14462/1279137>